

Н.Кашников

Амехания

Никита Кашников

Амехания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69434974

SelfPub; 2023

Аннотация

Последняя нить, хрупко соединявшая его с жизнью, сейчас, натянувшись до предела, вот-вот лопнет, не оставив ему ничего: ни отчаяния, ни боли, ни тоски – лишь ровное, бесстрастное полотно.

Никита Кашников

Амехания

Влажная панель тихой ночной улицы была тускло освещена прозрачно-белёсым электрическим светом устало выгнувшихся узких фонарей.

Они шли вдвоём, окутанные тонкой вуалью одинокой безмятежности гулко затихшего города.

Ливень, наполнивший бетонный город влагой, к вечеру изнемог, оставив в воздухе тяжёлый прогорклый аромат, и напоминал о себе лишь мерзкой моросью, незаметно покрывавшей всё очередным слоем сырости и создававшей ощущение зыбкого присутствия дождя, неутомимо желающего наконец вернуться.

Она своим низким, чуть сиплым голосом заинтересованно рассказывала о картинах и художниках, смотря при этом на мокрый, изрытый трещинами асфальт под её невесомыми, нежными туфлями с заострёнными носками, то на подёрнутое густой темнотой ночное небо.

Он тихо шёл рядом, слушая, но практически не слыша её, поскольку слух его был окутан мутно-прозрачной плёнкой какой-то душевной тревоги, особенного томления, сковавшего резкой прохладой что-то в области груди. Это вязкое состояние, смешавшись с холодной моросью, в поисках высвобождения терзало юношу пронзающими волнами груд-

ной дрожи, которая силилась разойтись по всему телу, вопреки старательному противлению его хозяина.

Она же шла, забыв не столько о том, кто с тихой робостью и безразличным ей трепетом сопровождал её, сколько о своём присутствии – как в просторе этого монолога, так и этого вечера. Её волновали порывистые воспоминания, мутно-перемешанные, отчего поднимались они в её сознании с хаотичной неразборчивостью.

Они вышли из тесной темноты переулка на облитый сумрачной синевою проспект, лоснившийся мокрыми отблесками витрин и вывесок. Тихий шелест усталых крышек однообразно бередила дождевую воду, застоявшуюся в ложбинах асфальта. Они плавно перешли дорогу, размеренно пробираясь сквозь кроткие звуковые кущи глухо звенящего светофора. Разлившийся на влажном бугристом асфальте зелёный свет аптечной вывески горделиво возвещал о скором приближении сонной топи знакомых мест. Погрязая всё больше в сизом омуте спящих дворов, мягко освещённых рдеющим светом одиноких фонарей, она, обратив внимание на вдруг потухнувший свет в одной из квартир, отчего-то подумала: «Интересно, счастливы ли они?» Он, противостоявший сейчас особенно мучительной душевной агонии, не задавался таким вопросом, однако точно знал, что в мире людей, живущих в этих квартирах, нет места таким простым в своей необозримой сложности категориям, как счастье, суть бытия, предназначение, судьба.

Студенистой полоской старого морщинистого асфальта они прошли у стены дома, из занавешенных тряпками окон которого доносились глухие отзвуки притихнувшей вечерней жизни. У красной просевшей железной двери её подъезда, сливаясь с темнотою, слегка подёргивались сухие ветки старой липы, напоминавшие набухшие, налитые увяданием и смертью вены пространства, отчуждённо проступающие сквозь плотную густоту наполненного сумерками полотна ночи. Под деревом молчаливо стояла кроткая деревянная лавочка, со знакомой печалью поманившая взгляд юноши, вспыхнув вдруг слепяще-пыльным дневным светом, неуклонно разрезавшим болотисто-яркую зелень, – нечто незримое схлопнулось, и скамья приняла вновь свои прежние, наполненные зябкой промозглостью черты.

Дождь постепенно усиливался, из-за чего девушке было совестно не пригласить юношу к себе, хотя она ясно сознавала, что ей необходимо остаться одной.

По ветхой, очень узкой бетонной лестнице они поднимались сквозь грязный подъезд, тёмно-зелёные стены которого, словно с усталой озлобленностью, с каждым этажом сужались всё больше.

Они прошли в комнату, смиренную тишину которой нарушало лишь беспокойное, аритмично-пульсирующее гудение холодильника. Слабый, блекло-рыжий свет облил ветхую старость квартиры, еле осветив липкий волнообразный линолеум. Лишь угловатый прямоугольник окна, темневшего в

окончании тесного коридора, выходявшего на кухню, остался по-прежнему наполненным темнотой ночи, однако при этом прозрачно отразил слабые очертания комнаты, отчего стал похож на холст с разрозненными, тонкими, тёмно-золотыми мазками.

Она решила выпить вина и, разливая его по пластиковым бокалам, вдруг увидела жёлтые, с расплывчатым румянцем персики, дубовый стол, покрытый тёплым светом, и словно услышала растворяющийся, но глубокий, переливчатый, несколько ироничный голос. Рука её дрогнула, и крупные тёмно-бордовые капли окропили грудь юноши, где, расплываясь на белой ткани, глубоко впитались и потускнели, оставив насыщенные, буро-красные пятна.

Они прошли в смежную, наполненную струящейся темнотой комнату, приоткрытое окно которой глянцевито блестяло ледяным светом ночного фонаря.

Девушка зажгла свет, резко обливший слабым рыжим огнём старый шкаф, небрежно завешенный снаружи одеждой, письменный стол у окна с разбросанными на нём книгами, инфантильно перемешанными с косметикой, ветхую, не заправленную кровать у стены и неразборчивые мутные репродукции картин, вырванные из глянцевых журналов и приклеенные у самого потолка. Она уверенными движениями приблизилась к кровати, на которую села с неожиданной грузностью. Пунцовая гладь в её бокале беззвучно пошатнулась и пошла рябью, однако, поднявшись до края, с той

же плавностью опустилась и, поколеблясь немного, успокоилась. Облокотившись о стену, девушка обратила безучастный взгляд к окну. За ним сухое, слабое дерево, охваченное порывами дождя и ветра, опрокинуло свою величавую тень на узкую, растворяющуюся в темноте ленту асфальта.

Юноша робко расположился на липком линолеуме, оперевшись спиной о противоположную девушке стену. Его глаза смотрели на неё нежно, устало и даже мучительно, будто пытаясь скрыть, но и в ту же секунду предупредить о какой-то глубокой боли, выливающейся в мольбу о простом спасении.

Они говорили. Говорили о том, чего ни один из них никогда не вспомнит, о чём, должно быть, говорили и прежде, а если и нет, то говорить, во всяком случае, ни один из них сейчас был не в состоянии.

Её сознание выхватывало случайные обрывки воспоминаний, растекавшиеся густой печалью, обрамлённой тянущим, удушливым ощущением чего-то безвозвратно потерянного, схваченного оскоминой обмана. Однако чувства эти, отравив наивный разум, не отличали обмана от обманутости.

Пронизывающее всё более по мере их мёртвого диалога душу юноши состояние теперь охватило его всецело. Он вдруг понял, что бой, который он давал жизни изо дня в день, никогда не мог окончиться в его пользу. Последний человек, в котором искалеченная душа его находила приют, сейчас слово за словом, взглядами, жестами, казалось, всем

своим нутром отвергал его. Он смотрел на знакомый старый, потрескавшийся стол, слышал задыхающийся хрип холодильника, касался прежней стены. Он был счастлив здесь когда-то... Тогда – в минуты их коротких, но таких настоящих, откровенных встреч, когда она, окутанная полутьмой сумерек, нежно поджав колени к груди, сидела на хлипкой табуретке напротив него и с забвением говорила о книгах, о жизни, о семье – о чём угодно, главное, что —

Да, он был счастлив здесь когда-то.

А сейчас, с раскалённым отчаянием слушая её переменявшийся до неузнаваемости голос, тщетно ловя отрешённый взгляд, ощущая хлёсткие удары дождя о дребезжащий металл за окном, смотря на её небрежно висевшие вещи, каждая из которых пробуждала в нём трепетное воспоминание, всё больше поражавшее его тлеющую, бьющуюся в немой агонии душу, он явственно увидел, что перед ним, уверенно раскинувшись, лежит труп сотворённого им когда-то человека, что никогда больше он не увидит её, сколько бы ни смотрел в столь знакомое, ставшее некогда родным лицо. И он, будучи не в силах поверить этой отравляющей мысли, вглядывался в её тёмно-карие, непрозрачные глаза, худое, заострённое лицо, лёгкую поступь её спадающих волос, полностью растворившихся в глубине сумерек, поразивших смиренную комнату, и чувствовал не банальность влюблённости, а пронзительный укол болезненного заблуждения. Последняя нить, хрупко соединявшая его с жизнью, сейчас,

натянувшись до предела, вот-вот лопнет, не оставив ему ничего: ни отчаяния, ни боли, ни тоски – лишь ровное, бесстрастное полотно —

Её образ всё больше растворялся, становился неуловимо зыбким, неестественно размытым. Её черты в тёпло-рыжем сумеречном свете, сливаясь с бесконечной, непроницаемой темнотой, оставлявшей лишь стёртые контуры, расплывались в еле уловимый силуэт, трепетно колеблющийся, словно мягкий огонь свечи. Он чувствовал холод стены за своей спиной, однако ощущение это отличалось от физического состояния. Ему казалось, будто тело его всецело впитало стылость бетона, будто состояние это перешло в некую абсолютно иную, новую ипостась, пропитав сковывающей мёрзлостью не только его кожу, мышцы, сосуды, а нечто большее – само сознание его почувствовало надламывающуюся резкость холода, всецело сковавшего всё его тело.

Тихое, прерывистое, стеклянное постукивание стало оглушающе громким, после того как смолк беспорядочный ропот холодильника, оставившего оглушительно-звенящую тишину, смешанную с металлической арией дождя. Извилисто изогнутый грязный провод, торчавший из потолка, удерживал тускло рассеянный огонёк лампочки, так манившей выродившегося из серых потуг ночи мотылька. Насекомое, неуклюже подпрыгивая в воздухе, однако неумолимо влекомое пёстрыми потоками света, будто приготовляясь, задержалось на неровно висевшем, прозрачно-чёрном платье,

усыпанном мириадами тёмных точек на зыбко-лёгкой ткани рукавов. Внутри юноши нечто гулко колыхнулось, образовав ветвистый комок, схваченный морозным жаром. Платье вдруг стало слегка влажным, как и ярко освещённая ночная брусчатка под ногами её хозяйки. Величавые потрескавшиеся мраморные колонны, за ними старые дубовые двери театра со скопившейся пёстрой, обезличенной толпой...

Мотылёк перелетел ближе к огню, на стену, о которую опёрся юноша.

Сгусток внутри начал всё больше сужаться, пытаясь вытянуться. Переливчатым воспоминанием юноша увидел старшего брата, заменившего ему покинувшего их отца, вспомнил, как они, сидя под мостом, кидали камешки в тёмно-изумрудную безмятежность реки, мечтали о грядущей жизни и провожали тёплый закат, нежно окрасивший мягкими красками лицо брата в тот вечер.

Мотылёк неуклюже взлетел вверх по стене.

Юноша увидел письмо, которое дрожащие худые руки матери взволнованно распечатывали, и слёзы, упавшие крупными каплями на бумагу, когда она узнала, что война навсегда забрала её сына.

Став частью неразборчивого сюжета, мотылёк, вздрагивая крыльями, зацепился о мутную картину у самого потолка.

Вспомнил юноша и лицо матери, на котором под блёклой серостью седины и болезненными морщинами заживо был похоронен цвет юности, лицо, сохранившее при этом от-

печаток природной кротости, нежности, сострадания и доброты. Именно эти черты легли лёгкой тенью на её последний взгляд, отобразивший, однако, ещё нечто неуловимое, незримое, ощутив которое, после невозможно было разглядеть иные детали. То было отражение убитой надежды на измученном лице страдальца, которому годами удавалось бороться с недугом, чтобы в итоге обрести палача внутри бумажного конверта, безмолвно и хладнокровно вырвавшего из неё последние трепещущие остатки жизни, горевшей прежде прекрасным огнём в её груди.

Мотылёк порывисто ударялся о струящуюся пламенеющим светом гладь горячего стекла, издавая тихое, но при этом звонкое постукивание.

Смотря в чужие глаза, слыша пронзительно острые ноты когда-то родного, мягкого голоса, чувствуя торжество наконец победившей душевной агонии, навсегда погубившей что-то неизмеримо дорогое ему, ярко ощущая нечто, добирающееся до его прошлого и покрывающее ярко-тёплые воспоминания тёмными сгустками, юноша сознавал, что должен идти, идти в кромешную бесконечность ночи, кричавшей тишиной одиночества, идти в безмолвную пустоту безвестности, расщеплявшейся перед ним мутными сгустками, идти туда, где он не обретёт ничего, навсегда потеряв всё то, что билось безмолвной агонией внутри него, идти, он должен просто идти.

Зудящая тишина ночи оглушительно приветствовала его.

Ветер уверенно-кротким порывом шелохнул ветви сухой липы. Он задержался возле неё. Стеклоянное небо было ярко освещено мерцающим сиянием рассыпанных звёзд. Он обернулся, за его спиной со знакомой ветхой печалью стоял охваченный безмолвным холодом сумерек старьй кирпичный подъезд, с давно покинутой надсадой смотревший на него. Юноша знал, что никогда больше не увидит всего этого вновья.

Спящая темнота бесшумно тлепа тусклым огнём фонарей. Он с неожиданной скоростью вышел на лоснящийся размытыми красками проспект. Проходя по влажному асфальту, старые ложбины которого были заполнены теперь лужами, он заметил оживлённое движение роящейся человеческой массы на мосту, ставшем в отсутствие машин гипертрофированно маленьким, смиренно вмещавшем сонно приближавшиеся небольшие группы людей, сливающихся, словно мелкие капли, с густой массой. Разрезая вязкое, будто бы отрешённое скопище, юноша продирался сквозь всё больше затягивавшую его кущу случайных возгласов, резких криков и пустых взглядов. Яркий всполох окрасил его лицо тёмно-бордовым цветом. Толпа оживилась, послышались вопли и протяжные свисты, смешавшиеся с громовым потрескиванием салюта. Они праздновали. Не важно, что: победу или поражение, мир или новое человеческое истязание, потерю или приобретение, – они праздновали, а праздник, в отличие от горя, не требует объяснений.

Он шёл по бесконечно прямой линии проспекта, подёрнутой хрустально-глянцевой темнотой ночи, растворявшейся в хаотично-размазанном свете замеревшего города. Лишь рассыпчатые вспышки далёкого салюта и таявший полый возглас мягко вонзались в прозрачную гладь тишины. Обрубки мыслей с шершавой болезненностью переливались у него в голове. Он слышал слова, не соответствующие им картины всплывали перед ним и сразу же растворялись во влажной духоте ночи. Приблизившись к своему подъезду, он заметил густо-белёсую голову невысокого старика, тяжело шедшего ему навстречу. Накренившись на бок, тот не обратил на юношу внимания, устремляя потупившийся, непроницаемо-безучастный взгляд в сумеречную пустоту перед собой, при этом тихо, со старческой отвлечённостью произнося неразборчивые, густые слова.

Поднявшись в свою комнату, юноша не стал зажигать света, а сразу подошёл к потрескавшемуся ветхому столу, вплотную придвинутому к окну, на котором тускло расплескался пунцово-бронзовый отсвет ночных фонарей, мягко соскользавший с подоконника. Он включил лампу, облившую плюгавый стол бирюзово-блёклым светом. Меж хаотично раскиданных, небрежно исписанных бумаг на столе лежали женские очки, небольшой багряный камешек и две старые гравюры: на первой сквозь грязные, нечёткие линии проступали лёгкие очертания слегка согбенной, держащей что-то в руках девушки, на которую мягким, бледно-золотистым от-

блеском лёг свет из изображённого левее неё окна; на второй же выцветшие, расплывчатые мазки сливались в туманные очертания одинокого мужчины, сидящего возле лунного окна.

Он взял слегка мятый листок, на котором уже были два вспухших, влажных бугорка, и принялся, задыхаясь, писать. Что-то тихо ударялось о безучастную стеклянную поверхность лампочки, вновь и вновь издавая кроткое постукивание. Часы гулками щелчками отрезали секунды у безразличного пространства. Ручка одиноко скрипела, оставляя размытые чернильные разводы...

Слепяще-яркое солнце, наполнившее блестящее стекло старого окна, густо заполнило кабинет полицейского участка, ярко подчеркнув скопившиеся в оконной раме угольные точки застывших мух, перемешанных с грязью и окурками. Стол, окутанный пыльными солнечными лучами, был переполнен папками и бумагами, на которых стояли нумерованные коробки и несколько грязных, покрытых разводами кружек.

На одной из бумаг сквозь многочисленные старые папки и коробки можно было различить слова: «никто»; «прозрач...»; «стена»; «не удерж...»; «предна...»; «винов...»; «её нет»; «слышу»; «безра...»; «лишь хотел»; «нет нич...»; «терять»; «вижу»; «это лишь...»; «наконец пон...» «задых...».

Выше неаккуратным, быстрым почерком было написано: «под мостом; между ... и ...; на рассве...».

В указанное на бумаге время сизые сгустки дымных облаков неспешно растворялись и робкие рассветные солнечные лучи лишь только зачинавшегося дня ложились сперва на небрежно лежащие на столе книги, на одной из которых, полностью растворившись в их свете, покоился застывший бескрылый мотылёк, а после – золотистым оттиском покрывали кипенно-белую гладь мягкого одеяла.